

ФРЭНСИ РАБИНЕК ЭПШТЕЙН

ВОЙНА ФРЭНСИ

ОСНОВАНО
НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ХЕЛЕН ЭПШТЕЙН

Фрэнси Эпштейн

Война Фрэнси

Серия «Свидетели Холокоста»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/55542567>

Ф. Эпштейн. Война Фрэнси: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-120003-9

Аннотация

<p>Летом 1942 года двадцатидвухлетняя Фрэнси Рабинек прибыла в Терезин, концентрационный лагерь и гетто в сорока милях к северу от своего дома в Праге. Это было началом ее трехлетнего путешествия из Терезина в чешский семейный лагерь в Освенциме-Биркенау, в лагерь рабовладельческого труда в Гамбурге и Берген-Бельзене. После освобождения англичанами в апреле 1945 года она наконец вернулась в Прагу.</p><p>Война Фрэнси – это обескураживающая история невероятно сильной молодой женщины, которая пережила ужасы Холокоста и выжила.</p>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Фрэнси Эпштейн

Война Фрэнси

Franci Rabinek Epstein

A Story of Survival

© 2020 by Franci Rabinek Epstein

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Глава 1

Это был жаркий день в начале сентября 1942-го. Выставочный комплекс «Выставиште»¹ был полон людей. Многие лежали или сидели на разбросанной по полу соломе; кто-то бесцельно бродил кругом в тупом оцепенении. Ушли в прошлое блестящие выставки достижений чехословацкой промышленности, создававшие атмосферу веселого праздника.

В детстве я часто приходила в «Выставиште» – у электротехнической фирмы моего отца «Рабинек и Коралек» был здесь отдельный стенд. Походы сюда доставляли мне всегда огромную радость. Домой я приносила бесплатные образцы продукции, воздушные шарики и стопки глянцевых каталогов. Но сегодня я не вернусь домой, потому что «Выставиште» превратили в сборный пункт для депортации нежелательных элементов, то есть, согласно Нюрнбергскому расовому закону, для евреев.

Удивляться нечему. Ловушка закрывалась уже три года, но систематические унижения и «промывание мозгов» шли медленно и не всегда успешно. Все это время наше человеческое достоинство оставалось нетронутым. В те дни ситуация, в которой мы оказались, была для всех новой. Но то, что с нами внезапно стали обращаться как с домашним скотом,

¹ Исторический выставочный комплекс в Праге, построенный в 1891 году.
–Примеч. ред.

стало для всех шоком.

Мне было 22 года, и я лежала в оцепенении, опустив голову на мамины колени. Совсем недавно мне удалили миндалины. Я не ела уже несколько дней, и было тяжело дышать наполненным соломенной пылью воздухом. Мама все время гладила меня по голове и уговаривала выпить хоть немного воды. Отец ходил от одного знакомого к другому, пытаюсь выяснить, что же с нами будет. Эсэсовцы, то и дело врывавшиеся в помещение, выкрикивали приказы и забирали по несколько евреев-мужчин чистить уборные. Они нарочно выбирали самых солидных – стариков в очках. Одним из таких был мой отец.

Когда в больнице мне сообщили, что за мной и родителями приехала машина, фельдшер, друг нашей семьи, сказал: – У тебя была операция. Мы можем сказать им об этом, и ты никуда не поедешь.

Я немного подумала и ответила:

– Нет, я не отпущу их одних. Они уже в возрасте, и, кроме меня, у них никого нет.

Маме тогда было шестьдесят, а отцу – шестьдесят пять. Я не могла представить, как эти два человека уйдут куда-то без меня. Хотя в этом была и доля эгоизма. Мужа рядом не было. Без родителей я бы осталась совсем одна. Кроме того, к сентябрю 1942-го я была сыта по горло ограничениями, которые действовали в Праге, и решила: там в любом случае будет лучше, чем здесь. К сожалению, я всегда была такой.

Глава 2

Гитлер вторгся в Чехословакию 15 марта 1939 года, через две с лишним недели после того, как мне исполнилось 19 лет. Я совершенно не интересовалась политикой, и знала только, что все мои бабушки и дедушки были евреями. За год до того мама передала мне в управление свое ателье по пошиву одежды от-кутур. Я была беззаботной, немного избалованной девушкой и интересовалась только танцами, ателье, флиртом и лыжами – именно в таком порядке.

Мой отец Эмиль Рабинек родился в семье венских евреев в 1878 году. Он был младшим сыном чиновника и твердо верил в ассимиляцию. В двадцать лет он принял католичество, чтобы обойти *numerus clausus*² – квоту для евреев в университете Берлина. Во время Первой мировой войны он без особого энтузиазма сражался в рядах австрийской армии, а в 1918 году горячо приветствовал образование Чехословакии. Он прожил в Праге много лет. Несмотря на то, что эмоционально и культурно отец продолжал оставаться австрийцем, он считал образование Чехословакии неким экспериментом в области социальной демократии, новой Швейцарией в центре Европы, где все меньшинства обладали равными правами, и решил стать гражданином Чехословакии.

² «Ограниченное число» (лат.) – Здесь и далее примеч. переводчика.

Последовавшие за тем двадцать лет жизни оправдали его выбор. Как член немецкоговорящего общества Праги, отец покровительствовал немецким клубам, театрам и концертным залам. Он любил повторять: «Я немецкий гражданин Чехословакии». Отец так и не выучил чешский. Почти вся наша обширная библиотека состояла из немецких книг и переводов на немецкий французских, английских и русских произведений. Он привил мне любовь ко всему немецкому, или, по крайней мере, привычку воспринимать все через немецкий язык. В доме не было ни одной чешской книги, пока я не подросла и не начала покупать их сама.

Хотя отца много раз предупреждали об опасности, которую несет нацизм, он отмахивался от новостей, приходивших из Германии, как от пропаганды. Отец верил в немецкую порядочность и справедливость, честь и цивилизацию. Он ни секунды не сомневался в том, что Чехословакия – сильная страна, а ее суверенитет гарантируют французские и английские союзники. Даже оккупация Австрии в марте 1938 года не пошатнула его уверенности, и он заклеил сбжавших из Вены двоюродных братьев трусами. Гизела Рабинек Крамер, его старшая сестра, и некоторые из ее детей остались в Вене. Их поступок лишний раз доказывал папе, что нет никаких причин для паники и бегства.

Финансовые вопросы тоже сыграли свою роль. Когда я родилась, в феврале 1920-го, отец был богатым человеком – совладельцем верфи и электротехнического предприятия

оптовой торговли. После обвала на Нью-Йоркской фондовой бирже в 1929 году его состояние сократилось. И все же мы по-прежнему жили вполне обеспеченно, в прекрасной квартире, наполненной книгами и картинами. Но к тому времени, когда немцы оккупировали Чехословакию, главным источником дохода семьи стало наше с мамой ателье, которое раньше отец считал лишь капризом эмансипированной деловой женщины. Теперь же папа работал у нас бухгалтером. Предприятие процветало, но мы вложили в него большую часть нашего капитала, и было бы непросто перевести его в иностранную валюту на черном рынке. Папа часто повторял: «В нашем возрасте без капитала не эмигрируют».

Но, несмотря на все смелые разговоры, отец втайне от меня писал письма двоюродному брату в Англию, чтобы я могла уехать из страны. Его старания не увенчались успехом, и только спустя четверть века я узнала от исполненного чувством вины дяди, как отчаянно отец умолял его сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти меня. Должно быть, на этом настаивала мама. Она чувствовала, что чешский народ в целом и нашу семью в частности постигла ужасная катастрофа.

Хотя мама, Йозефа Пепи Саксел, тоже родилась в Вене, она владела чешским в совершенстве и была беззаветно предана чешскому народу. Ее родители умерли, когда ей было девять, и в 1891 году сестра отца, тетя Роза, забрала маму вместе с двумя старшими братьями к себе в чешский город Колин.

Мама вспоминала, что Розалия Саксел Лустфильд была очень бедна и крайне набожна. Она часто бывала в местной синагоге и больше времени тратила на обсуждение Талмуда со странствующим хасидом, нежели на управление своим магазином подержанной одежды.

Братья вскоре убежали кто куда: Эмиль Саксел поступил на службу во флот Австро-Венгерской империи и обосновался в Братиславе, а Рудольф Саксел подался в уличные торговцы и в конце концов стал богатым пражским оптовиком. Пепи, которой тогда было только девять, осталась в Колине, учила чешский, ходила в среднюю школу и была обречена на жизнь в безмерной любви, истовой религиозности и жестокости тети Розы. За несколько лет это сочетание разрушило все, что связывало маму с иудаизмом, и превратило ее в агностика. В этом также сыграло роль дело Хилснера. На Пасху 1899 года, когда Пепи было 17, чешскую портниху-католичку нашли мертвой в луже крови. Главным подозреваемым стал бродяга-еврей Леопольд Хилснер. Его обвинили в ритуальном убийстве. Мама рассказывала, что по стране тогда прокатилась волна погромов, не обойдя стороной и Колин.

Еще одной причиной того, что мама отошла от иудаизма, стала ее первая любовь: она влюбилась в юношу из богатой еврейской семьи Колина, но его родители поспешили отослать его за границу, чтобы он не женился на бедной сироте.

Тетя Роза научила племянницу оценивать стоимость по-

ношенной одежды, а еще она научила ее шить. Когда же Пепи исполнилось двадцать, она последовала примеру братьев и покинула Колин. Мама перебралась в Прагу, поселилась у брата, Рудольфа, и устроилась на работу в «Мориц Шиллер», один из самых известных магазинов одежды в городе. В течение двух лет она стала его *directrice*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.